

Благословение

муфтия шейха Равиля Гайнутдина

Благородный Коран — милость, спасение и руководство для человечества, явленные в непосредственном откровении Божественной мудрости. Чудесным образом связывая земной мир и небесный, Слово Всевышнего сотрясает привычные основания жизни, на которых утверждается столь унижающее человека идолопоклонство, и вдохновляет на более свободную и добродетельную жизнь. Ветер вдохновения внезапно распахивает сердца внявших ему навстречу *иному, ни на что не похожему* опыту мышления, дела и чувства. Полный перевод Корана в систему понятных каждому смыслов, невозможный уже в рамках одного лишь арабского языка, оказывается вдвойне невозможным, когда речь идёт о переводе Корана на другие языки.

И всё-таки не нам выбирать: для тех, чьи сердца были затронуты духовной мощью Корана, этот невозможный перевод оказывается пе-

реводом необходимым. В нём мы стремимся продолжить неослабевающую славу оригинала, стать проводниками тех озарений, которые вызвало в нас сосредоточенное размышление над кораническим языком. Мы можем выбрать только то, насколько ответственно подойти к данному делу. Коран — это текст, который по природе своей вызывает к истолкованию. Однако не следует забывать, что истолкование — это разворачивание внутренних возможностей понимания, то есть понимание, взятое во временном измерении. В свою очередь, перевод — это всегда частный (и крайний) случай истолкования, вовлекающий в своё осуществление самые разные аспекты понимания.

Скажем об этом несколько иначе. Нам непременно хочется понять Коран, а потому мы раз за разом обращаемся к его интерпретации, даже если знаем, что он переживёт любую из них. При этом мы хотим не просто перевести его в систему знакомого, но также узнать себя и целый мир в свете его знаний — не свести его к уже понятному, встроив в готовые образцы говорения, но действительно *понять* его, перепонять «уже понятное», изменив данные образцы под влиянием самого Корана. Перевод оказывается как минимум двусторонним процессом — таким «изменением» оригинала, которое сохраняет возможность привнести уникальный смысл в новый язык, то есть изменить, обогатить язык перевода.

Таким образом, перевод Корана (вовсе не в ущерб доступной строгости и обоснованности) отчасти родственен его творческому осмыслению у таких поэтов, писателей и мыслителей, как И. Гёте или, что более актуально для российского контекста, П. Я. Чаадаев, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин... «Творческое» в данном случае означает не произвольную эстетическую игру знаками, а умение трудом и поступком, чувством и мышлением — иначе говоря, всем своим существом — втянуться в процесс интерпретации. Научность же указанному процессу придаёт подлинная открытость критике, вдумчивое исследование альтернативных вариантов, установка на рефлексивность и поиск наилучших решений в каждом конкретном случае. Вопрос о связи научной строгости и обновляющего творчества с *сохранением* столь же древнего, сколь и вечно юного содержания традиции подводит нас к проблеме исламского ренессанса.

Неотъемлемой частью исламского ренессанса является пробуждение интереса к интерпретации Корана, в том числе к его переводу. Под ренессансом мы подразумеваем не механическое, некритическое и мнимое возвращение в прошлое, но обнаружение того, как это прошлое предстоит нам в настоящем и позволяет соединиться с будущим. Другими словами, речь идёт не о возрождении ислама, но о возрождении нас самих в исламе.

Издание смыслового перевода Корана, которое вы держите в руках, представляет собой новую редакцию труда известного исламоведа, доктора философии Эльмира Кулиева, впервые опубликованного в России при поддержке Совета муфтиев России в 2003 году. Безусловно, ни один перевод не способен передать все смыслы, которые вмещает в себя Слово Всевышнего Аллаха. И тем более не следует думать, будто кто-либо из комментаторов Корана может пролить свет на новые фундаментальные истины; дело скорее заключается в новом *обращении* к этим истинам и в преодолении автоматизма, мешающего их актуализации и глубокому восприятию. Суть Благородного Писания, выраженная в призыве к поклонению одному Господу и деянию добра, совершенно ясна и неизменна, но от этого не менее чудесна в своей основе. Не вызывает сомнений, что данный труд умножит интерес к исламу в российском контексте и будет способствовать формированию более глубокого понимания коранического учения, в чём-то дополняя, а в чём-то опровергая другие переводы. Кроме того, смелый подход учёного, в рамках которого был отвергнут ряд привычных формулировок, делает данный перевод интересным не только для верующих, но и для специалистов, изучающих ислам.

Высокие коранические ценности познания, межчеловеческой солидарности, единства в мно-

гообразии, религиозной свободы и соревнования в благих поступках воспитывают универсальную духовность, которая не отказывается от земного, а оправдывает его в высшем свете Божественной милости. На этих ценностях зиждется послание Корана, и ими должно вдохновляться при чтении и изучении нашего Благородного Писания. Поэтому я призываю читателей терпеливо усваивать суть Корана, изложенную в ясных аятах (*мухамат*), и не торопиться с выводами о том, что вызывает сомнения и нуждается в разъяснении (*муташабихат*). Сердца, искренне взыскующие истины, обязательно обретут её, когда пробьёт их час. Мир вам, милость и благословение Аллаха!

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин,
председатель Духовного управления
мусульман Российской Федерации,
председатель Совета муфтиев России

О новой редакции перевода Корана

Коран — это священная книга ислама, которая почитается мусульманами как Слово Божие и верное руководство. Сложение её происходило на протяжении двадцати трёх лет по большей части в Мекке и Медине. Откровения ниспосылались Пророку Мухаммаду, мир ему и благословение Аллаха, и письменно фиксировались его сподвижниками, а после его смерти были собраны в одну книгу — мусхаф. Коран дошёл до нас в том самом виде, в котором он был сохранён первыми мусульманами, и текст его считается сакральным только на языке оригинала — арабском языке.

Коран оказал огромное влияние на быт и нравы, литературу и искусство всех мусульманских народов. Определив путь развития человечества на много столетий вперёд, это Писание по сей день остаётся концептуальной парадигмой мусульманской культуры во всех её формах и проявлениях.

И в условиях, когда взаимовлияние культур стало не просто неизбежностью, но осознанной необходимостью, переводы Корана на мировые языки, безусловно, способствуют укреплению диалога между религиями и цивилизациями.

Более двух десятилетий прошло с тех пор, как мы приступили к переводу Корана на русский язык. После публикации в 2003 году исправленного издания я не прекращал работу над его усовершенствованием, хотя и решил не вносить изменения в будущие переиздания до полного осмысления его недостатков и критических замечаний специалистов. Писем приходило много, от самых разных читателей; со временем появились и научные статьи и отзывы, содержащие грамотный разбор отдельных мест в переводе.

Трудно перечислить всех, кому я благодарен за кропотливый труд и полезные замечания, но не могу не вспомнить моих учителей Амиршаха Амирахмедова, проф. Агаяра Шукурова, прекрасного востоковеда Абуталыба Мамедова, которых уже нет рядом с нами. Также хочу отметить вклад замечательного богослова Курмана Исмайлова, чья жизнь безвременно прервалась в феврале 2012 г. При его участии был существенно расширен корпус традиционных комментариев, использованных при анализе подлинника.

На протяжении нескольких лет правки, которые мы вносили в текст, были не более чем штри-

хами, не менявшими существенно его лексико-синтаксической структуры. И всё же обратная связь с арабистами и читателями убеждала меня в том, что нужен не просто академический перевод, передающий значения аятов, но текст, который позволит прочувствовать смыслы откровения, проникнуться ими. Поэтому использованный мною метод, сформировавшийся в процессе изучения других переводов Корана, особенно трудов И. Ю. Крачковского и М.-Н. О. Османова, теперь уже представлялся далеко не лучшим. Тем не менее отказаться от него было нелегко, и случилось это благодаря писателю из Москвы — Александру Летенко.

Александр Викторович присоединился к работе над новым изданием по рекомендации своего друга из Ташкента — Джаббара Рузиева. Его замечания помогли взглянуть на текст перевода под другим углом и сделать смелый выбор в пользу его стилистической переработки. К сожалению, совместная работа с ним была недолгой: в декабре 2012 г. Александр Викторович скончался от сердечной недостаточности. Человек большой души, бесконечно влюблённый в русский язык, последние недели своей жизни он провёл за кораническими штудиями.

Но работа была продолжена, и все трудные для восприятия места были пересмотрены и при необходимости улучшены с оглядкой на классические тафсиры, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что предложенный вариант точно пере-

даёт смыслы Писания. Помогало тесное общение с филологом и переводчиком Кабиром Кузнецовым, чьи критические замечания и смелые предложения приближали нас к искомому решению. При этом я старался не отступить от главного принципа, положенного в основу моего труда, и использовал синтаксические структуры и лексические единицы, наиболее близкие к тем, которые встречаются в оригинале, кроме тех случаев, когда это наносило ущерб форме и смыслу текста.

При переводе слов и оборотов речи принималось во внимание их употребление в Коране в схожих и отличающихся контекстах, подбирались соответствия, передающие эмоциональные и ассоциативные значения, учитывалась степень отклонения оригинальных выражений от общеупотребительной нормы. Так в перевод вошли такие слова, как ‘облыжный’ — ضَيْرَى, ‘зиждитель’ — فَاطِر, ‘омрачение’ — طَائِف.

Некоторые слова были заменены более точными эквивалентами, например: слово ‘беззаконники’ в переводе слова ظَالِمُونَ было заменено на ‘несправедливые’, ‘дьявол’ в переводе слова شَيْطَان — на ‘шайтан’, а ‘мраки’ в переводе слова ظُلُمَات — на ‘потёмки’.

С целью сохранения историко-культурной перспективы из текста были исключены некоторые заимствования из европейских языков. Например, слово ‘трофеи’ в переводе слова أَثْقَال было заменено на ‘военная добыча’, ‘миссия’ в переводе слова حُطْب — на ‘дело’, ‘легенды’ в переводе слова أَسَاطِير — на ‘сказа-

ния'. Но было оставлено без изменения слово 'орбита' — *فلك*, которому я не нашёл полноценной замены.

Список арабских терминов, оставленных без перевода, был дополнен словами: *шайтан* — вместо 'дьявол', *Фуркан* вместо 'Различение', *таваф* — вместо 'обход', *умра* — вместо 'малое паломничество', *махр* — вместо 'брачный дар', *сакина* — вместо 'умиротворение', *сакар* — вместо 'преисподняя', *хутама* — вместо 'огонь сокрушающий', *Каусар* — вместо 'изобилие'.

При переводе тропов предпочтение, как и прежде, было отдано восстановлению полного аналога оригинала (калькированию), особенно в тех случаях, когда отклонение от привычных систем ассоциаций компенсируется за счёт ясности внутренней формы текста.

В процессе работы я также убрал из основного текста альтернативные варианты перевода, взяв за основу те значения, которые соответствуют кирату 'Асыма ибн Абу ан-Наджуда в передаче Хафса ибн Сулеймана. Короткие пояснения, необходимые для правильного прочтения и понимания текста, были заключены в квадратные скобки.

Для преодоления формализма, навеянного использованием при передаче имён собственных сразу двух приёмов (транслитерации и транскрипции), в основном тексте также были опущены русские варианты имён библейских персонажей, которые раньше указывались в скобках после соответствующих арабизированных имён. И хотя неиску-

шённый в этих вопросах читатель может не знать о тождественности коранических персонажей библейским (при всех различиях между их образами), в данном случае возобладало желание подчеркнуть самобытность оригинального текста и его связь со средой, в которой происходило его сложение. Впрочем, соответствие коранических и библейских имён дано в затекстовом приложении.

Ещё одно значимое отличие от предыдущего издания — перевод подразумеваемых клятв, стоящих после условного придаточного предложения. В таких случаях в арабском тексте нет ни слова ‘клянусь’, ни частицы клятвы, но грамматическая конструкция позволяет отличить предмет клятвы от главного предложения в сложноподчинённом предложении с придаточным условия. И поскольку глагол ‘клянусь’ здесь подразумевается и необходим для усиления смысла, я добавил его в текст перевода без квадратных скобок (см., например, Коран 2:120, 2:145 и др.). Более подробно принципы перевода и особенности нового издания я раскрыл в своей статье о методике перевода Корана, в которой были использованы материалы предисловий к предыдущим изданиям данного труда, переработанные и дополненные с учётом изменений, сделанных в новой редакции.

Несмотря на близость к подлиннику, смысловой перевод Корана остаётся не более чем разновидностью краткого тафсира. Он не подменяет оригинал и не служит источником для выведения

норм и принципов шариата. Как и любой краткий тафсир, он содержит лишь те смыслы, которые открылись автору и которые он сумел передать средствами языка перевода.

Вместе с тем смысловой перевод Корана отличается от буквалистского и комментированного переводов и не приемлет ни безжизненного копирования формы, ни вольных авторских интерпретаций. Причём глубина смысла достигается не за счёт «измельчения» и подробного раскрытия значений, а путём подбора соответствующих лексических и синтаксических средств.

Данное обстоятельство превращает читателя из пассивного реципиента в своего рода субъект интерпретации переводного текста, как и в случае с подлинником, пусть и в гораздо меньшей степени. Это налагает дополнительную ответственность на каждого, кто приступает к чтению этой книги, и вместе с тем делает изучение её процессом творческим, побуждающим к размышлению над смыслами Корана и способствующим духовному обогащению.

Эльмир Рафаэль-оглы Кулиев
Стамбул, 10 февраля 2020 г.

О методике настоящего перевода Корана

Перед вами смысловой перевод Корана на русский язык, хотя правильнее было бы сказать, что это — попытка донести до русскоязычных читателей крупицу тех знаний, которые открылись мне в процессе изучения священного писания. Эта попытка — далеко не первая, ибо российская школа востоковедения имеет богатые традиции переводов Корана. Их корни уходят в далёкое прошлое, во времена Петра Великого, когда был выполнен первый перевод священной книги мусульман на русский язык. С тех пор российские востоковеды неоднократно прикладывали усилия для того, чтобы переложить смыслы Корана с арабского языка на русский.

Переводы И. Ю. Крачковского, Б. Я. Шидфар, М.-Н. О. Османова — это шедевры мировой науки, бесценный вклад российских и советских учёных в исламоведение. И хотя каждый из них несёт на себе отпечаток определённой исторической эпохи, все они характеризуются преемственностью и высоким мастерством авторов. Роднит их и влияние востоковедческой школы, для которой единственно объективным взглядом на Коран является позиция иссле-